

Московская бывальщина.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

А. Пазухина.

дѣйствующія лица:

Прохоръ Кириллычъ Земляковъ, очень богатый торговый крестьянинъ.

Настасья Петровна, жена его.

Анна Кириловна, сестра Землякова, молодая вдова.

Гаврило Гарный, гуртовщикъ.

Гордый Пантелеевъ, пропившійся однопорецъ.

Дѣдушка Устинъ, пчельникъ, старикъ.

Работники Землякова. Дѣвушки. Деревенскіе старики (міръ).

Дѣйствіе происходитъ лѣтъ сто тому назадъ, подъ Москвой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лужайка на берегу Москвы-рѣки позади дома Землякова. Налѣво плетень съ калиткой; через плетень свѣсился березы и ивы; подъ ними скамья. Направо небольшой лѣсокъ, по опушкѣ котораго тянется тоже плетень, и за нимъ видны ульи. Прямо видѣ на рѣку.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Дѣдушка Устинъ сидитъ на землѣ по правую сторону и плететъ липотъ. Анна Кириловна выходитъ изъ калитки).

Анна Кир. Богъ въ помощь, дѣдушка!... Рукамъ бы не лѣниться, работѣ бы спориться...

Устинъ. Спасибо, Анна свѣтъ Кириловна, спасибо... Руки-то у меня не лѣнятся; понуждаю я ихъ, понукаю, а въ работѣ спору все нѣтъ: старъ сталъ; земныя дѣла отъ рукъ отбиваются; пора имъ на грудь крестомъ ложиться, да на отдыхъ... Такъ-то, лебѣдка!...

Анна Кир. Полно, дѣдушка Устинъ, еще поживешь, поработаешь (*глядитъ къ лѣсу*). Гарнаго Гаврилы не видалъ?

Устинъ. Нѣ, нонѣ не видалъ... Онъ, слышь ты, у Смолянского барина скота сто головъ купилъ; скотъ-то его ребята къ Москвѣ погнали, а онъ съ барскимъ управителемъ въ солдаткиномъ кабакѣ гуляетъ, угощенье ему ставитъ...

Анна Кир. Ты откуда же это знаешь, дѣдушка Устинъ?...

Устинъ. А пчелы прилетѣли, да и сказали... Хе, хе, хе!... Я вѣдь колдунъ, я все вѣдаю... (*кладетъ лапоть, встаетъ и подходитъ къ Аннѣ Кириловнѣ*). Нарочно внучка своево посылалъ, косатка, нарочно, чтобъ про твоего дружка милого узнать, да... Я вѣдь старикъ-то досужій, умомъ люблю раскидывать, что, да какъ, да отчего; ну, вотъ и вышло у меня, что тебѣ слѣдъ вязаться съ Ганькой...

Анна Кир. Слѣдъ, дѣдушка?

Устинъ. Слѣдъ, косатка: баба ты молодая, не дѣвица, не мужья жена, а вдова: почто жъ тебѣ одинокой-то быть? На землѣ одинокому никому не положенье быть; кажинная тварь себѣ пару ищетъ, да. Вотъ пчелки мои, міромъ живутъ, міромъ и дѣла дѣлаютъ, а все жъ у кажинной пчелки пара есть... Только пчелы умнѣе васъ, бабъ: у нихъ мужикъ силы такой супротивъ бабы не имѣетъ, и баба повадки ему не даетъ... Хе, хе, хе!

Анна Кир. А мы вотъ повадку даемъ, дѣдушка Устинъ, силу надъ нами мужикъ большую имѣетъ: что хочетъ, то и дѣлаетъ, а мы только плачемъ...

Устинъ. Оттого, что у васъ пчелинаго ума нѣтъ. Пчела какъ разсуждаетъ? Пчела разсуждаетъ такъ: я де тебѣ пріятство дѣлаю, медомъ тебя кормлю

и долженъ ты уваженіе ко мнѣ имѣть; ну, и держитъ свою трутня въ струнѣ!... А пришло время, она его—чокъ, чокъ—и убьетъ; мѣшаетъ ужъ ей, гонитъ она его... Такъ-то, косатка!..

Анна Кир. Пчелѣ-то, дѣдушка, все равно: какой у ней ни есть другъ, все ей едино, а у людей не такъ... У людей-то любовь есть, и такую-то та любовь силу имѣетъ, что и не скажешь словами!.. Полюбится парень, и замутится разумъ... Зажжетъ болѣзнь любовная кровь: и страшно, и жутко, и сладко, и больно, а душа такъ и рвется къ милому, а въ головушкѣ только и думы, что о немъ... Да вѣдь какой думы, дѣдушка, страшной думы!.. Часику ни одного не пройдетъ, чтобъ онъ у тебя въ мысляхъ не былъ; жилкой каждой любишь его!.. А тутъ еще черныя думы пойдутъ. Словно змѣя подколотная подъ сердце заберется и сосетъ тебя тоской лютой... Не разлюбилъ бы, думаешь, не покинулъ бы, не отбила бы дружка милого разлучница, и такое-то зло подымется въ душѣ противъ разлучницы этой, что взялъ бы, и не знаячи еще, кто она, да своими руками на эдакія вотъ частички и разорвалъ!.. И такъ-то любовная мука велика, а тутъ еще зло-то это прибавляется, и сама своей жизни не рада!.. (*подходитъ ближе къ Устину*). Дѣдушка, люди говорятъ, что ты вѣдунъ, колдовать умѣешь; поворожи ты мнѣ, дѣдушка, любить ли меня Ганя... Чудится мнѣ,

что опостылѣла я ему, прискучила... Чудится мнѣ, что полюбилъ онъ другую... Поворожи, дѣдушка, открой мнѣ все, а я тебѣ по гробъ слугой буду!..

Устинъ. Полно-ка, косатка! Негожія рѣчи ты говоришь... Съ чего это ему разлюбить-то тебя? Ты ли не бѣла, у тебя ль коса не длинна, у тебя ли очи не ясны? Нѣтъ тутъ краше тебя, и Гаврилъ Степановичу бросать тебя не приходится... Вотъ до осени доживемъ, такъ окрутимъ васъ, святымъ вѣнцомъ накроемъ, и заживете въ законѣ, чтобъ отъ людей покура не слышать... (*Въ сторону*). Есть одна краше тебя, да той я Ганькѣ не дамъ; нѣтъ, не дамъ!.. Та въ законѣ, та голубица чистая, и на позоръ людямъ, на муки мужа суроваго, я не отдамъ...

(*За сценой слышится пѣсня „Встала я на зорькѣ, встала я на утреней“*).

Устинъ. Вонъ и Ганя твой идетъ, Анна Кириловна, пѣсню поетъ свою любимую... И что за голосъ у парня, что за голосъ, экой голосъ!.. Я пойду на село у попа принимать, а вы тутъ помилуйте, помилуйте... (*уходитъ направо и, при встрѣчѣ съ Гарнымъ, который выходитъ изъ лѣса, грозитъ ему пальцемъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Кириловна и Гарный.

(Анна Кир. стоитъ нальво, отвернувшись отъ Гарнаго; онъ подходитъ къ ней и ударяетъ ее по плечу).

Гарный. Здорово, королева прекрасная: почтеніе вашей милости!.. Аль головка заболѣла, что стоишь насунувшись? Не на холона ли своего на Ганьку безпутнаго?.. Эхъ, онъ, холопъ, холопъ, прогнѣвалъ барыню важную; кнутьями его за это!.. И не мѣсто ему, холопу, съ барыней важной стоять, рѣчи непотребныя ей говорить; уйти ему надо къ своей браты, мужикамъ сѣрымъ... *(идетъ направо).*

Анна Кир. (быстро оборачивается). Ганя!

Гарный (останавливаясь). Что угодно милости вашей?

Анна Кир. (подбѣгаетъ къ нему и бросается на шею). Ганя, куда же ты пошелъ? Аль разлюбилъ ты меня, Ганя?.. Второй день не вижу его, второй день отъ тоски мѣста не найду, а онъ насмѣхается!.. Не обласкалъ, не привѣтомъ подарилъ, а опять уходить собрался... Вѣдь я люблю тебя, Ганька, люблю; приворожилъ ты меня, такъ не бросай теперь, не губи меня!... Меня не губи, да и себя побереги, Гаврила Степановичъ!..

Гарный (съ ироніей). Ой, страшная какая!..

Инда въ холодъ бросило отъ угрозы-то отъ твоихъ: робокъ я больно....

Анна Кир. Да, страшная я, Ганя.... Ты не шути со мной, потому я отдала тебѣ всю жизнь мою, а хоть она и не важная, жизнь-то моя вдовья, да даромъ я ее не отдамъ!.. За любовь твою отдамъ, и охъ, не молвлю; ну, а коли ты насмѣялся надо мной....

Гарный. Тогда что?

Анна Кир. Тогда... тогда ужъ и себя я погублю... и тебя, и разлучницу свою!

Гарный. Ее за что?

Анна Кир. А съ тоски, съ горя, съ досады!.. Да и не погубить нельзя... Было у тебя счастье, была у тебя радость, и отняли его, другому оно досталось; такъ можно нѣшто стерпѣть это? И пуще всего больно душѣ то, что ты бился за свое счастье-то, искалъ его, ратовалъ за него, оно вотъ какъ дорого тебѣ—жизни дороже, а тутъ его другой даромъ возьметъ!.. Нѣтъ, Ганя: не отдамъ я его даромъ!.. Вѣдь у васъ, у мужчинъ-то, много радостей въ жизни и дѣловъ много, а у насъ только и отрады, что любить... Мужчина и торговлѣ, и удали, и забавѣ, и работѣ жизнь-то свою дѣлитъ, а намъ что? Намъ тряпки наши, да горшки... Иной будетъ этого, и не надо ей ничего, живетъ себѣ, копошится, а другой—мало: хочется ей чему-нибудь всю жизнь отдать;

ну, любви и отдаетъ.... Вѣдь это, Ганя, цѣнять нужно, дорожить этимъ надо... (*ласкается къ Гарному*).

Гарный. Ой, ты, злодѣйка моя, огненная ты баба бѣдовая! И я тебя люблю, видя твою-то любовь, да и по мыслямъ ты мнѣ, а все жѣ сердцу своему не прикажешь; какъ мнѣ быть, коли другая-то мнѣ по душѣ придется?

Анна Кир. Полюби ее...

Гарный. А ты и ее, и меня погубишь?

Анна Кир. Погублю, Ганя! Потому погублю, что не перенести мнѣ горя лютаго, не перенести радости твоей любовницы... А есть, есть она у тебя?

Гарный. Коли была бы, сказалъ. Я, Анна Кириловна, никого не боюсь и ни отъ кого дѣловъ своихъ не таю.

(*Входятъ Земляковъ и Настасья Петровна. Гарный кланяется имъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Земляковъ и Настасья Петровна.

Земляковъ (сестрѣ). Ты что тутъ хвостъ-то треплешь? Какъ парня увидала, бѣжать бы должна, вдовью честь оберегаячи, а ты что? Ишь, непутная!.. Пошла на скотный; скажи, чтобъ масло готовили, къ вечеру молъ подвода въ Москву пойдетъ.

(Анна уходитъ. Земляковъ садится съ женой на лавку; Гарный направо садится на пенъ).

Земляковъ. Ты, пѣвунъ, соловей залетный, когда же мнѣ коня-то приведешь? Я, братъ, жду; обѣщать обѣщалъ, а коня и въ глаза не вижу.

Гарный. Подходящаго нѣтъ, Прохоръ Кирилычъ... Тебѣ вѣдь коня тысячнаго надо, я знаю, потому тебѣ молодую жену, при достаткахъ твоихъ, на кой-какомъ катать не приходится, а хорошаго-то больно теперь у меня нѣтъ....

Земляковъ. Укралъ бы.

Гарный. Бросилъ, Прохоръ Кириловичъ: не воруя нонѣ.

Земляковъ. А прежде воровалъ?

Гарный. Что жъ, „быль молодцу не укора“,—воровалъ.

Земляковъ. Ха, ха, ха! Вотъ угаръ-то парень,—и не скрываетъ!

Гарный. Не изъ корысти воровалъ, а потѣха очень любя!.. Купить это кучина коня себѣ, отвалить за него чуть не тысячу и бережетъ... Стоитъ конь подъ семью замками, за семью дверями, и спать покойно кучина: „нечего де мнѣ бояться: конь на запорѣ; сторожа надежные, да и конь де звѣрь, никому въ руки не дастся... А ты и подберешься къ нему... Выберешь ночь темную али грозовую, когда сторожа-то отъ страха на печи лежатъ, перемахнешь черезъ заборъ, замокъ съ

конюшни долой, ворота отворишь и къ коню. Злоба въ немъ великая, застоялся, одичалъ, съѣсть тебя хочетъ, а ты узду надѣлъ, вскочилъ на него, припалъ къ шеѣ крутой, гикнулъ и—помивай какъ звали!.. На такомъ конѣ и погоня не страшна: ѣдешь себѣ, да сдерживаешь его удалъ. Иной разъ, бывало, подпустишь къ себѣ погоню-то за самыя плечи, а тамъ и ахнешь! Духъ тебѣ захватываетъ, и любо, и сладко. Купи такого коня—утѣхи такой не будетъ, а самъ добылъ, башкой своей въ темную сыгралъ — двойная утѣха!.. Я и все вотъ такъ—самовольщиной жить люблю... Своей жены вотъ мнѣ не надо, а чужую я бы отбилъ, коль по мыслямъ бы мнѣ приплась...

Настасья Петровна. Какая еще согласится на отбиванье на твое....

Гарный. Согласится, Настасья Петровна, всякая!.. У меня слово такое есть.... Только вотъ по мыслямъ-то мнѣ не приходится ни одна; все не то, все не по мнѣ.

Настасья Петровна. А какую же тебѣ нужно?

Гарный. Краю писаную, лебедь бѣлую... Таковую, чтобъ отца съ матерью забыла, чтобъ никого, кромѣ меня, не любила, чтобъ умереть за меня пошла!

Настасья Петровна. У тебя губа-то не дура!

Гарный. Да вѣдь, кажись, и я не дуракъ, Настасья Петровна?

Земляковъ (встаетъ). Бахвалъ парень!.. Такъ приведи же мнѣ коня, Гарный....

Гарный. Приведу, Прохоръ Кирилычъ: будетъ, на чемъ покатасть жену молодую.... И приведу коня красавца, женѣ твоей чтобъ подѣ-стать былъ...

Земляковъ (сурово). Ну, ну! Подѣ-стать!.. хороша ли, худа ли, да не твоя; нече тебѣ и льстивыя рѣчи говорить!.. Свою заведи....

Гарный. Я жъ тебѣ молвилъ, что своей жены мнѣ не нужно...

Земляковъ. Такъ иса подворотнаго заведи, да къ нему и ласться!.. Пойдемъ, Настасья, паужинать пора...

(Земляковъ и Настасья уходятъ; Гарный смотритъ имъ въ слѣдъ).

Гарный (одинъ). Охъ, хороша красавица!.. То есть, такъ хороша, что и словъ не подберешь похвалить ее... Грудь ли лебяжья, очи ли соколиныя, коса ли русая, поступь ли—наглядѣться нельзя!.. Хорошо бы тебѣ, Ганька, подружку такую, ночи темныя коротать съ ней, зарю утреннюю встрѣчать... Эхъ, хорошо!.. Да и ей бы не худо... Чай, опостылѣли ласки-то мужа стараго, охота поцѣлун жаркаго.... *(садится на пенъ и поетъ):*

Встала я на зоренькѣ,

Встала я на утренней,

На утренней на зорѣ....

Гляпула я въ чисто поле —

Во чистомъ полѣ туманъ...
Туманъ, туманъ разстилается,
А моя-то ли бѣлая грудь надрывается...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Гарный и Гордюшка.

Гордюшка. И что за голосъ, что за голосъ, такъ это уму помраченье!.. Почтеніе вашей милости, почетъ вашей чести!.. Скучно что ли безъ меня?

Гарный. Ты откуда? Чего тебѣ надо, косоглазый?

Гордюшка. А мало ли мнѣ что надо!.. Вотъ такую жену, какъ у Прохора Землякова надо.

Гарный. Ишь чего захотѣлъ, слюняй неумытый!

Гордюшка. А что же не захотѣть? Ты захотѣлъ же...

Гарный. Чего захотѣлъ? Что языкъ-то зря треплешь?

Гордюшка. Чего захотѣлъ, чего захотѣлъ!.. Жены Прошкиной захотѣлъ, вотъ чего; не даромъ тутъ сидишь, да пѣсню скулишь...

Гарный. Ну, ты не ври, а то я тебѣ затылокъ напередъ поставлю!

Гордюшка. Поставь, гляче не поставишь? Уроду то мнѣ всякой изъ милости лишнюю гривну подасть... А ты, Ганя, не сердись на меня... Ты, Ганя, со мной дружбу води...

Гарный. Ганя-то въ люлькѣ лежитъ, а Гордюшка его качаетъ, да Гаврилой Иванычемъ величаетъ...

Для кого можетъ и Ганя, а для тебя Гаврила Ивановичъ...

Гордюшка. А для кого Ганя?... Для кого, плутина ты великій, Ганя, ась?.. Для Настасьи Петровны—Ганя, вотъ для кого!..

Гарный. Это еще откуда вывезъ? Съ какого такого базара такія вѣсти привезъ?

Гордюшка. Хе, хе, хе!.. Я знаю ужъ!.. Давай гривну: я тебѣ вотъ какое скажу—радостное...

Гарный. Для кого радостное? Что за радостное такое?

Гордюшка. Для тебя радостное, вотъ для кого...

Гарный. Ну, на, гривну; чертъ съ тобой! (*даетъ ему деньги*).

Гордюшка. Вотъ спасибо, Ганя!.. И какъ же я вышью за твое здоровье, такъ что ужаси!.. А теперь слушай, да на усъ мотай... А еще гривну не дашь?

Гарный. По загривку не дать ли тебѣ?

Гордюшка. По загривку не могли, потому я кто? Я однодворецъ, на линія стало быть дворянина, и хоша въ грязи, а все же золото, а золото и въ грязи видно.... Прощка Земляковъ точно что батогомъ отдулъ меня, но однако за это я его подведу, подъ судъ его отдамъ и не миновать ему кнута!.. А тебѣ за гривну за твою все расскажу, и ты мнѣ не то гривну, а серебряный рубль дашь... Слушай: вчера послѣ полдень шелъ я отъ Покров-

скаго дьячка, шелъ выпивши, потому дьячекъ мнѣ кумъ и человѣкъ душевный... Шелъ я, шелъ, и заморило меня, а какъ заморило, я вонъ затѣмъ кусточкомъ и легъ, легъ да и заснулъ... Спалъ я, спалъ и проснулся, потому разговоромъ разбудили меня, а я люблю спать по-дворянски безъ помѣхи... Кто, молъ, это разговариваетъ, когда Гордѣй Сидорычъ Пантелеевъ спить? Поднялъ голову и гляжу черезъ кусточки... Гляжу и вижу на пригорчкѣ: жена Прошкина, Настя, красавица сидитъ съ пчельникомъ Устиномъ... Имъ-то меня не видать, а я все вижу и слышу... Слышу я разговоръ про тебя идетъ...

Гарный. Про меня?

Гордюшка. Да, про тебя... Дѣдъ-то Устинъ, слышу, ублажаетъ Настасью Петровну,—а онъ вѣдъ у насъ спасенная душа, добродѣтельный старецъ, —„ты, говоритъ, мужа имѣешь и должна его единого любить, худъ ли онъ, хорошъ ли, а дурныя мысли, говорятъ, отжени: онѣ отъ нечистаго идутъ... Это Устинъ-то, а она, красавица эта, заплакала въ три ручья, да и говоритъ: „отгоняю, говорятъ, мысли тѣ, да не выходятъ онѣ изъ головушки моей: любъ мнѣ Ганька, говорятъ, и पुще свѣта бѣлаго“.

Гарный. Ты врешь это? Изъ-за гривны сказки выдумываешь? Ой, смотри, коли врешь!..

Гордюшка. Ей Богу, не вру! вотъ разрази меня на семь мѣстѣ, ежели вру!

Гарный. Вѣрно?

Гордюшка. Вѣрнехонько!.. Да ты самъ примѣчай за ней-то, и увидишь, что заразилось ея сердечко... Она баба смиренная и у мужа въ страхѣ, иначе примѣтить можно... Отбей у стараго черта жену, Ганя, ей Богу отбей! Я тебѣ за это башку свою въ даръ принесу, потому я злобу на него имѣю великую...

Гарный. Молчи, не болтай.... Вѣсть твоя мнѣ любя, Гордюшка, и я тебѣ, вѣрно ты молвилъ, рунъ серебряный дамъ; на, держи вотъ, но слушай: если ты хоть единымъ словомъ кому-нибудь промолвишь объ этомъ,— тебѣ живому не быть!.. Слышишь?... Знаешь кручу надъ рѣкой у Земляковского завода? Вотъ съ этой кручи я тебя и сброшу, какъ котенка, коли ты хоть словечко кому молвишь. Понялъ?

Гордюшка. Какъ не понять... круча страшная, и ежели съ нея сверзить, всѣ печенки отшибешь; а мнѣ жить охота...

Гарный. То-то же, помни это!..

Гордюшка. Не забуду... Я теперь, Ганя, въ кабакъ пойду; ежели хочешь, пойдемъ вмѣстѣ; я тебя угощу... Тсъ!.. Гляди, гляди: Миялтриса Кирбитьевна отъ своего змѣя Горыныча ушла и за калитеу вышла...

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Настасья Петровна.

(Изъ комнатки выходитъ Настасья Петровна и не замѣчая Гарнаго и Гордюшки, любуется наступающимъ вечеромъ).

Гарный. Иди, Гордюшка, оставь меня одного.

Гордюшка. Примазаться хочешь?

Гарный. Пошелъ, куда дѣлъ, варнакъ!

Гордюшка смѣется себѣ въ руку и уходитъ, грозя кулаками дому Землякова).

Гарный (тихо подходитъ къ Настась). Погулять вышла, Настасья Петровна?

Настасья Петровна (вздрагиваетъ). Ахъ!.. Это ты?.. *(въ сторону)* И вездѣ-то онъ: и во снѣ, и наяву, и въ мысляхъ!.. *(Ему)* Откуда ты? Зачѣмъ тутъ? *(отходитъ).*

Гарный. А такъ; мѣсто очень привольное: вотъ я и гуляю, благо дѣлать нечего... А ты, Настасья Петровна, погулять вышла?

Настасья Петровна. Да... *(быстро оборачивается къ Гарному).* Уйди, уйди ты отъ меня, окаянный; ненавижу, ненавижу я тебя, проклятаго!.. Уйди!.. *(Закрываетъ лице руками и убѣгаетъ въ комнату).*

Гарный. *(Смотритъ ей въ слѣдъ).* А Гордюшка-то правду сказалъ!.. Ну, молодецъ Ганька: убилъ яснаго сокола, нечего сказать!.. Теперь, Прохоръ

Кириловичъ, не видать тебѣ жены, какъ ушей своихъ... А Анна?.. Ну, прощай, Аннушка: будетъ, погуляли, потѣшились!.. Хороша ты, Анна свѣтъ Кириловна, да далеко тебѣ до Насти, а ужъ краше Насти и свѣтъ не привидывалъ!. Поживемъ, полюбуемся, а тамъ... А тамъ что будетъ! (*Быстро идетъ къ платню и встрѣчается съ Анной Кириловной*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна и Гарный.

Анна. Ганя, голубчикъ, ты еще здѣсь!..

Гарный. Некогда, Анна Кириловна, по дѣлу тороплюсь... Прощай... (*уходитъ*).

Анна. (*Одна; долго смотритъ ему въ слѣдъ*). Ушелъ!.. Оттолкнулъ, не взглянулъ... Разлюбилъ, стало быть... Разлюбилъ, разлюбилъ, бросилъ!.. (*Берется за голову и съ рыданіемъ идетъ къ авансценъ*). Умру, умру, печего жить мнѣ теперь .. (*видитъ оброненный Настасьей платокъ*). А!.. (*схватываетъ его*) Настасьинъ платокъ!.. Такъ они были тутъ, видѣлись; такъ онъ ее любитъ!. (*рыдаетъ, разрывая платокъ на мелкие куски*). Такъ не умру же я, не умру!.. Жить буду на вашу погибель, проклятые!.. (*съ рыданіемъ падаетъ на скамью*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Чистая брусая изба. Направо поставецъ съ посудой. Налѣво, на аванъ-сценѣ, столъ, покрытый скатертью; на немъ рѣзная солониха и хлѣбъ, накрытый рушникомъ. Направо скамья, покрытая ковромъ; по стѣнамъ тоже скамьи. Прямо дверь выходная, налѣво въ другую избу.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Настасья Петровна входитъ изъ боковыхъ дверей и останавливается у окна, подпершись рукой).

Настасья Петровна. Что же мнѣ дѣлать-то?.. Господи, что же мнѣ дѣлать? Пришло это, волюшки моей не спросившись, и зашло въ сердце!.. Не хотѣла я, видишь Ты, Господи, что не хотѣла полюбить его, да силъ моихъ не хватаетъ отогнать его отъ мыслей, и стоитъ онъ передо мной, и словно манить къ себѣ, зоветъ меня, а кровь такъ и кипитъ, такъ и рвется сердце къ нему!.. Руки, руки бы я наложила на себя, вотъ сколько сладко мнѣ, да вѣдь грѣхъ это, великій грѣхъ!.. Вѣрна я мужу своему законному, да въ мысляхъ-то не онъ у меня, а Гаврила... Ганя, Ганя, зачѣмъ ты такъ глядишь на меня? Зачѣмъ ты любишь меня? Вѣдь я мужняя жена: не губи ты меня; пожалѣй, коли любя я тебѣ. Идетъ вчера мимо, остановился подъ окномъ, такъ-то ли поглядѣлъ, такъ поглядѣлъ, что ажъ холодъ по всему тѣлу прошелъ, въ глазахъ зату-

манилось!.. „Что, говоритъ, Настасья Петровна, у окошечка призадумалась?..“ Промолчала я, а онъ постоялъ, глянулъ кругомъ, да какъ кинется къ окошку, какъ вскочить на завалину, да обмыть меня!.. Господи, Господи, какая я грѣшная-то, окаянная-то!.. Ужъ и не помню, какъ я обвинилась вокругъ шеи его руками и жарко, жарко начала цѣловать его въ уста, да шептать рѣчи любовныя... Опомнилась я, оттолкнула его; трясетъ меня всю, а онъ стоитъ, смотритъ... „За что, говорятъ, губишь меня? краса, говоритъ, твоя писаная, очи твоя загубили меня и не споситъ мнѣ головушки!..“

(За сценой слышенъ голосъ Гарнаго: „Прохоръ Кирилъчъ дома, парень? Нѣтъ?.. Ну, такъ я хозяйкѣ дѣло свое скажу... Въ избѣ что ль она?“ Настасья Петровна вздрагиваетъ, порывается бѣжать, но безсильно опускается на скамью. Гарный входитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Настасья и Гарный.

Гарный. Одна?.. Одна, Настасья Петровна? *(быстро подходитъ къ ней).*

Настасья Петровна. *(вскакиваетъ).* Прочь!.. Отойдн, отойди отъ меня!.. Боюсь я тебя, страшно мнѣ... Прочь!..

Гарный *(дѣлаетъ два шага назадъ и останавливается).* Гонишь... Противень я тебѣ?.. Эхъ, Настасья Петровна, Настасья Петровна, сколь сердце

твое не жалостливо!.. Спрота вѣдь я, одинокій, безродный... Безшабашной башкой меня люди зовутъ: и пьяница-то я у нихъ, и буянъ, и расточитель; всѣ бранятъ, да корятъ, а въ душу мою никто не заглядывалъ, никто не знаетъ, отчего я сталъ такимъ... Не видалъ я ласки участливой, не видалъ любви къ себѣ, оттого что родился непокорливымъ, силушку въ себѣ чувствовалъ и хотѣлъ ту силушку людямъ отдать, да не взяли ее гнали меня, какъ волка голоднаго... Волкомъ я и сталъ!.. Себѣ силу свою взялъ и сталъ ей гнуть да ломать все... Тогда опять-таки не любовь показался, себялюбцемъ звать стали... Не люблю я людей: горя много видѣлъ отъ нихъ... Дѣвки да бабы любили меня, да за что любили-то? За деньги, чай, за мон, за ленты, за гостинцы дорогіе, да, вишь ты, ростомъ и дородствомъ я взялъ, а вотъ тутъ что у меня (*указываетъ на грудь*), душа у меня какая, не знали онѣ... И ихъ я не любилъ, только тѣшился, баловался, ни вѣрности, ни любви въ нихъ не вѣдаючи... (*подходитъ ближе*). Тебя я полюбилъ не такъ... Душой всей полюбилъ тебя, свѣтъ ты мой ясный, денечекъ ты мой весенній!.. Какъ увидѣлъ я тебя съ красотой твоей помрачительной, мужу своему старому, злему, сварливому вѣрной, законъ свято хранящей, полюбилъ пуще свѣта блага!.. Очами ты красавица, поступью, рѣчью медовою, лицомъ бѣ-

лымъ, косой русой, шелковистою, а всего пуще—сердцемъ своимъ привлекательна... (*подходитъ къ Настасьѣ Петровнѣ и беретъ ее за руку*). Приласкай, хоть не любя, подари хоть словечкомъ ласковымъ!..

(*Настасья Петровна встаетъ и кладетъ руку на плечо Гарнаго*).

Настасья Петровна. Я... я приласкаю тебя... я подарю тебѣ слово ласковое... Любь ты мнѣ, соколъ мой! Ночей я не сплю, объ тебѣ думая; псунилъ ты сердце мое... Люблю, люблю, люблю я тебя!.. Да вѣдь я... вѣдь я, Ганя, мужняя жена. Вѣдь вѣнцомъ святымъ съ мужемъ я соединена... Аль ты гибели моей хочешь?

Гарный. Храни Богъ тебя отъ гибели! Слыхалъ я слова старца одного, разумныя слова тѣ были.. Привели къ нему на судъ молодую жену, которая отъ стараго, дряхлаго мужа къ милому ушла... „Виновна она, старецъ сказалъ, да судить ее нельзя, отвѣту предать нельзя, и грѣхъ наказаньемъ мучить ее... Коли дѣвицу, сказалъ дальше старецъ, силою-неволей за старика немощнаго отдали, такъ природу человѣческую нарушили и сами люди толкнули ее ко грѣху, и грѣхъ тотъ—не грѣхъ!“ Вотъ что старецъ сказалъ, и народъ жену не тронулъ, отпустилъ безъ наказанія, и мужу заказалъ не трогать ее... На Волгѣ, подъ городомъ Костромой, видѣлъ я это..

Н. П. А не видѣлъ ты того, какъ исполнялъ мужъ мірской приговоръ?.. Не слышалъ ты, какъ ныла душа ея?.. И міръ простить, да мужъ не простить... И мужъ простить, а коль не простить, такъ перенесетъ она отъ него все за милаго, да совѣсть-то не простить... Замучить, засушить, муками тяжкими изведетъ!

(Въ дверяхъ появляется дѣдушка Устинъ и, не замѣченный, останавливается).

Гарный. Ну, не люби меня; ну, будь мужу вѣрна, да ласки своей не лишай... Дай исподволь привыкнуть, что не моя ты и не будешь моей... За березовой рощей, на овражкѣ у Москва-рѣки, мѣсто привольное есть, „Соловьинымъ городкомъ“ его прозываютъ; приходи туда уже по вечеру... Послушаемъ соловушка, поговоримъ... Грѣха въ томъ нѣтъ, чай, Настасья Петровна? Сною я тебѣ пѣсню, что съ Волги привезъ.

Н. П. Приду... Но, Гая, Гая, не губи ты меня.

(Дѣдушка Устинъ хлопаетъ дверью и входитъ; Гарный отскакиваетъ въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ III.

Нас. Петр., Гарный и дѣдушка Устинъ.

Устинъ. Миръ и почетъ хозяйшкѣ дорогой, гостю пригожему почетъ!.. Здравствуйте, родимые...

Н. П. Добраго здоровья, дѣдушка... Милости просимъ, присаживайся-ка; усталъ, чай...

Уст. Спасибо на ласкѣ, голубушка, спасибо... Присяду, присяду, родимая: плохъ сталъ, ноги отказываются... (*Садится и вынимаетъ изъ торбы соты*). Вотъ гостинцемъ моимъ не погнушайся, прими... Соты нѣтъ вынималъ и принесъ тебѣ; кушай на доброе здоровье...

Н. П. Спасибо, дѣдушка.

Уст. Не на чемъ, Настасья Петровна, не на чемъ: не мое доброе—ичелиное... Медку сладкаго покушай, да рѣчей стариковскихъ послушай... Не въ обиду будетъ, коль свое суждевое скажу?

Н. П. Нѣтъ, дѣдушка; говори, говори... Рѣчи твои я люблю слушать: поучительны онѣ.

Уст. Спасибо на добромъ словѣ, лебедка... Муженька, стало быть, нѣтъ?

Н. П. Нѣтъ; уѣхалъ верстъ за полсотни по дѣламъ по своимъ.

Уст. Такъ, молъ... По что же ты безъ него въ домъ свой гости молодого принимаешь? А ты, гость, по что къ молодухѣ ходишь, покорь на нее кладешь? Не вѣдомо рази тебѣ, что досужны языки-то людскіе, рады дурную славу пускать да тѣмъ имя доброе порочить?.. Ась?

Гарный. Пришелъ, дѣдъ, случайно; не вѣдомо было, что нѣтъ хозяина... Вѣдь ежели кому, дѣдушка, придетъ охота славу худую пустить, и безъ того пустятъ; отъ славы худой иной разъ и святаго житья человѣкъ страдаетъ...

Уст. Вѣрно, справедливо, а все же не пристойно къ молодой хозяйкѣ безъ мужа парню ходить... Пускаютъ худую славу и зря, это ты вѣрно молвилъ; да коль нѣтъ правды въ той славѣ, такъ она и пропадетъ, пзморомъ изойдетъ; ну, а коль есть, хоть вотъ столечко, правды въ толкахъ-то, такъ и горя человѣку отъ славы худой претерпѣть доводится... Вотъ шеинетъ сусѣдка досужая Прохору Кприловичу, что былъ де безъ тебя у Настасьюшки Гарный, сидѣлъ де съ часъ мѣста, ну, и бѣда... Отпереться нельзя; правду вѣдь сусѣдка-то сказала, а Прохоръ Кприловичъ, не въ укоръ будь сказано, крутенекъ; глядишь, и до бѣды не далече... (*Грозитъ Гарному пальцемъ*). Ой, ты мнѣ, ласунъ бабій, засушитель сердца дѣвичьяго! Гляди, грѣхъ тебѣ будетъ великій...

Гарный. Какой грѣхъ?.. Какой грѣхъ, дѣдушка?.. Не тому ли грѣшно будетъ, кто молодую бабу, которая цвѣточкомъ весеннимъ только что распустилась, у стариковской груди холодной томить и радости лишаетъ; какъ птичку въ заперти, въ неволи держать? Не тому ли грѣхъ?

Уст. Быть-то можетъ и грѣхъ, не намъ судить, да коли головы старика съ молодой вѣнцами покрыты, вставать промежъ ихъ двойной грѣхъ... Каждому человѣку своя судьба отъ Бога дана, и надо той судьбѣ покориться и нести крестъ безъ ропота.

Н. П. Вѣрны слова твоя, дѣдушка... Святые слова, справедливыя!..

(Быстро входитъ Анна Кириловна).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Н. П., Гарный, Устинъ и Анна.

Анна Кир. (олядываетъ Гарнаго; тотъ отворачивается отъ нея).. Вотъ и гости кстатъ: хозяинъ ѣдетъ... (*Гарный* встаетъ и беретъ шапку. *Настасья Петровна* вздрагиваетъ, потомъ встаетъ и идетъ нальво).

Н. П. Пойду платокъ накинну, встрѣчу Прохора Кириловича...

А. К. А ты куда же, Гаврила Ивановичъ?

А. К. Посидѣлъ бы, побесѣдовалъ бы... Вотъ и хозяйшку огорчилъ: притуманилась, увидавши, что ты за шапку взялся...

Гарный. Ей притуманиваться нечего: это тебѣ, Анна Кириловна, показалось только; у ней мужъ есть, домой пріѣхалъ сказываешь; чего же ей притуманиваться? У тебя вотъ, Анна Киряловна, ни мужа, ни друга милаго; тебѣ есть, отчего затуманиваться... Прощенья просимъ, Анна Кириловна... Хозяинъ съ дороги отдохнетъ, такъ я приду на счетъ дѣла своего... (*Идетъ къ двери и встрѣчается съ Настасьей Петровной, которая, покрывая платкомъ, постынно выходитъ изъ своей комнаты).*

Гарный (тихо). Придешь?

Н. П. Охъ, не знаю!.. Приду... Приду проститься...

Гарный. Спасибо, голубушка!.. Прощай; я дамъ выйду отъ васъ. (*Выходятъ*).

А. К. (*глядитъ имъ въ слѣдъ*). Слюбились... Все, все пропало теперь!.. Такъ погоди же, невѣстушка, погоди же, разлучница; натѣшусь я надъ тобой! Дорого тебѣ обойдется, красавица, любовь эта, у меня отнятая!.. (*Быстро подходитъ къ Устиню*). Слюбились?

Уст. (*разводитъ руками*). Не вѣдаю... Не вѣдаю, а похоже на то... Свиданье нонѣ условили...

А. К. Гдѣ?

Уст. За овражкомъ, въ березовой рошѣ... Поди туда, Анна Кириловна, помѣшай имъ... Будто невзначай приди, да и постыди Ганьку; авось онъ спокается, броситъ неладную затѣю свою... Сходи ужотко, Анна Кириловна...

А. К. А-а-а, вотъ что!.. Радостное свиданье будетъ у васъ... Ха, ха, ха!.. Намилуетесь, натѣшитесь, а потомъ... потомъ слезами, кровавыми слезами заплачете... Часто горевала я, что у меня братецъ нравомъ жестокъ и крутъ сердцемъ, а теперь... а теперь я рада этому: пригодится мнѣ нравъ его; сослужитъ службу сердце крутое, не жалостливое!..

Устинъ. Анна Кириловна, смекаю я, что недоброе ты замышляешь, погубить хочешь Настась-

юшку... (*подходитъ къ ней*). Негоже такъ дѣлать, голубка; грѣхъ великій зло творить своему ближнему... Ты милости поищи въ сердцѣ своемъ, да милостью и дѣйствуй...

А. К. Милостью-ю?.. Бредишь, старикъ!.. Ангелъ я Божій что ли, святая я что ли, что за зло, за муки буду милостью платить?.. Милостью!.. Молвилъ ты тоже словечко!.. Пришла она, оканная, да прямехонько таки въ сердце мнѣ и впи-лась, и вырвала его у меня!.. Все, все отняла!.. Жила я горькой вдовой, у чужаго хлѣба, подъ началомъ у брата сварливаго, не видала радости одинокая; пришла та радость, сжалился Господь надъ долей моей горькой... Полюбилъ меня добрый молодецъ и украсилъ жизнь мою... Снова разцвѣло у меня сердечушко, словно ожила я.. Ужъ столь ли много радости пришло, столь ли много, что и сказать нельзя!.. Все, все забыла горькое, и не видѣла ничего худаго, не глядѣла на него, любовью жила... А она... она, богатая, балованная, возвеличенная, пришла, да и вырвала у меня все!.. Отняла друга милаго, очя словно пескомъ горючимъ засыпала, сердечушко изсушила, послѣдней радости лишила, а я, вишь, милостью ей отплати!.. Въ умѣ ли ты, старче?.. Отъ души ли слово такое сказалъ?

Уст. Въ умѣ ли, того не вѣдаю, а отъ души слово сказалъ... Ты послушай-ка, что я молвлю тебѣ... Ты, голубка, безъ зла, безъ грѣха свое ворота,

а коль не можно этого, такъ смирись предъ волей Божіей; такъ тебѣ, знать, суждено, такъ на роду написано, а зло творить—грѣхъ великій...

А. К. Сама знаю, что грѣхъ, да совладать съ собою не могу... У кого, дѣдъ, вся радость отнята, такъ тому и зло дѣлать любо... Смирись!.. Да какъ я смирюсь, коли... Эхъ, не говори, не говори этого, старикъ!.. Ты старъ, у тебя кровь остыла; оттого ты и говоришь такъ... Коли бъ можно было раскрыть тебѣ душу мою, коли бъ увидалъ ты, что тамъ, на днѣ-то на самомъ души моей, такъ бы самъ, съ мудростью своей старческой, сказалъ мнѣ: „иди, Анна, иди, нарушь ихнее счастье, потуши пожаръ свой душевный слезами своей разлучницы. Нѣтъ словъ рассказать муки новыя!.. Не знаешь то, что у меня на душѣ, не знаешь!..

(Входитъ Прохоръ Кириловичъ, сопровождаемый женой).

ЯВЛЕНІЕ V.

А. К., дѣдушка Устинъ, Пр. К. и Н. П.

Пр. К. А, старцу мирвому почтеніе. (Снимаетъ верхній армякъ; Н. П. принимаетъ его и вѣшаетъ на вѣздѣ). Какъ поживаешь, дѣдушка?

Д. У. Живу по малости, Пр. Кир.; ты какъ?.. Съ прїѣздомъ твою милость поздравляю...

Пр. К. Спасибо... Уѣхалъ было на дѣло, да вернулся вотъ... На дорогѣ того человѣка встрѣтилъ, къ которому ѣхалъ, въ Прокшанѣ встрѣтились: я

къ нему въ Звенигородъ, а онъ ко мнѣ; ну, на дорогѣ, въ Прокшинѣ-то, и покончили дѣло...

Д. У. Такъ, такъ... Отдыхай съ дороги, Прохоръ Кирылычъ, а я поплетусь. Прощенья прошамъ.

Пр. К. Куда же ты? Погости у насъ, побесѣдуй; хозяйка пивомъ угостить... Эй, бабы, что стали-то? Настасья, принеси пива, а ты, Анна, подъ лачниду изготавь... Поторапливайся смотри, да не скупися—пожирнѣй сдѣлай.

(Н. П. и А. К. уходятъ).

Д. У. *(садится на лавку).* Угостителенъ ты больно; кажинный разъ напоишь да накормишь...

Пр. К. Старики тому учили, дѣдъ... Ну, какъ вонѣ медъ? Сподобилъ ли Господь?

Д. У. Сподобилъ, Прохоръ Кирылычъ, сподобилъ: дивный новѣ медъ, и много его, хорошо очинно поработали.

Пр. К. Это ладно... Вынимай, а я покупателемъ буду... Почему продавать думаешь?

Д. У. А почему дашь... Не пристало въ чужомъ добрѣ торгъ вести, не мое добро—пчелиное... Дашь, по скольку знаешь; мнѣ и будетъ на хлѣбушко да на свѣчу Богу, а на смертный часъ припасено у меня, у попа лежитъ.

(Входитъ Гордюшка и, снявъ шапку, низко кланяется, остановившись у дверей. Онъ пьянъ и на ногахъ стоитъ съ трудомъ. При входѣ видимо изумленъ, что тутъ Пр. Кир., и съ недоумѣніемъ озирается).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Пр. К. Это за чѣмъ?.. Кто тебѣ звалъ, прощальныя? Куда безъ спросу въ избу лѣзешь, чумовой!..

Гор. Я? я въ гости...

Пр. К. Я те дамъ въ гости!.. Подъ въ стряпную; тамъ тебѣ хлѣба дадутъ, да и убирайся...

Гор. Чего? Это я-то убирайся?.. А ежели я не къ тебѣ, а къ хозяйкѣ?.. Ты, волчьи твои глаза, гоннишь меня, а хозяйка меня въ передній уголъ посадить!.. Ты вѣдь уѣхалъ?.. Вѣдь тебя нѣтъ дома?.. Откуда же ты взялся?.. Ишь, летунъ какой!.. А я не къ тебѣ, а къ Настасьѣ Петровнѣ... Она мнѣ, первое дѣло, вишневки, а второе дѣло — пирога съ морковью.

Пр. К. Ишь нализался, нечестивецъ!.. Пошелъ, говорятъ, а то я въ шею провожу!..

Гор. Полай!.. Въ шею, въ шею!.. Ты въ шею, а хозяйка въ передній уголъ посадить!.. Я про нее знаю одно, ой знаю!.. Только я тебѣ не скажу... Ты меня обижаешь... Ты меня обижать не смѣй, потому я на линіи дворянина, а ты хамъ!.. А я тебѣ про нее ничего не скажу, потому Ганька не приказалъ.. „Вотъ, гритъ, тебѣ рупь серебряный, только ты, гритъ, ни, ни!.. А ежели, гритъ, скажешь, я тебя—фить!..“ Что сидишь сычемъ-то? Что бѣльмы-то уставилъ?.. (*показываетъ на Пр. Кир. пальцемъ и хохочетъ*). Ха, ха, ха!.. Оттопырилъ губу-то, а того не знаешь, что она-то,

та-то... Ха, ха, ха... Улепетнетъ отъ него!.. Я-ста, да я-ста, такой, сякой, богатый, у меня жена красавица; оно и выходитъ тпру!.. А все я... Я Ганькѣ шепнулъ, а ужъ онъ и обстрипалъ... Вотъ парень!.. Ты гнушаешься Гордюшкой, а теперь я тобой буду гнушаться, да!.. Гордюшка однодворецъ былъ, синій кафтанъ носилъ, шляпу пуховую, парикъ пудренный нашивалъ, а ты кацапъ, мужикъ!.. У Гордѣя Пантелеева супруга умереть изволила и ни разу ему невѣрности не оказывала, а у тебя...

Д. У. (*быстро встаетъ*). Полно, Гордѣюшка, полно!.. (*подходитъ къ нему*). Иди, Гордѣюшка, иди, не гнѣви хозяина... Непригоже въ такомъ видѣ въ чужую избу ходить...

Гордюшка. А онъ не фордыбачъ!.. Онъ не обижай однодворца Пантелеева!.. Вотъ теперича ты и кичись, павлинъ хвостатый!..

Д. У. Иди, Гордѣюшка, иди, съ Богомъ (*вытравливаетъ Гордюшку*).

Гордюшки (*уходя*). А Гарный молодецъ!.. Люблю Гарнаго, за то люблю, что у стараго ворона голубку отбилъ!.. (*Уходитъ; дѣдушка Устинъ провожаетъ его. Прохоръ Кириловичъ встаетъ и медленно выходитъ на авансцену*).

Пр. К. Что это за рѣчи онъ говорилъ тутъ?.. Господи, ужели?.. Ганьку помпналъ, жену... Слово про нее знаетъ?.. Ужли?.. Ахъ, какъ холодомъ обда-

ло!... Долго ли до грѣха... Сѣдой-то мужъ небольшая утѣха... Воротить, воротить надо Гордюшку!..

(Быстро идетъ къ двери и встрѣчается съ Анной Кириловной, которая входитъ слѣва).

ЯВЛЕНИЕ VII.

А. К. Гдѣ, братецъ, столъ собирать прикажешь: въ стряпной или здѣсь?

Пр. К. *(беретъ ее за руку и ведетъ на авансцену).* Ты... ты за женой ничего не замѣчала?.. Ничего не знаешь про нее? *(Анна Кириловна мнется).* Что мнешься-то? Что молчишь-то?.. Говори!.. Да ну, говоря же!..

А. К. Не пригоже мнѣ... Языкъ не поворачивается горькую вѣсть сказывать тебѣ, братецъ...

Пр. К. Горькую?!.. Такъ, стало, есть что-нибудь?.. Ну, ну, говори, говори!.. Да говоря же, проклятая!.. Заодно что ли съ невѣсткой-то, что молчишь?.. Въ баню отведу, да на огнѣ правды добуду!.. Говори!..

А. К. Я тутъ не при чемъ; сама только что узнала... Опозорила тебя жена твоя, братецъ: слюбилась она съ Гарнымъ...

Пр. К. Охъ!.. *(Хватается за голову).* Чего же молчала, проклятая?.. Чего мнѣ раньше не молвила?.. Убью я тебя, окаянную!..

А. К. Не гнѣвись, братецъ: не виновата я; сама только нонѣ случаемъ узнала...

Пр. К. А люди какъ знаютъ?.. Гордюшка знаетъ; приходилъ тутъ, болталъ...

А. К. Гордюшка пособникъ ихъ, сводчикъ...

Пр. К. (*отходитъ направо и опускается на скамью*). Нашла таки друга милаго, поднесла таки мнѣ чашу горькую!.. Сглазпли люди, похваляючи... И поидеть по людямъ молва негожая, и, какъ шанкой, покроется моя голова сѣдая позоромъ... Люба мнѣ она; не отдамъ!.. (*встаетъ*). Еще не бывало на свѣтѣ той казни, какую я для нея придумаю, коль въ конецъ она измѣнила мнѣ!..

А. К. (*подходитъ къ нему*). Нонѣ въ вечеру свидѣться условились, братецъ...

Пр. К. Гдѣ?

А. К. За овражкомъ въ рощѣ, въ „Соловьиномъ городкѣ“.

Пр. К. Ступай... Погоди!.. Молчи обо всемъ!.. Вѣтру перелетному и тому не промолви ничего; а коль сболтнешь, знай, что бѣды не миновать. Крови родственной не пожалѣю; подъ ножомъ сдохнешь, коль ротъ раскроешь... Ступай...

(*Анна Кириловна уходитъ направо. Пр. К. садится на лавку и опускаетъ голову*).

Пр. К. Какъ любилъ, какъ берегъ, какъ тѣшилъ-то!.. За то только, что лишій десятокъ годовъ на плечахъ сидитъ, бросила меня, опозорила!.. Радости любовной съ молодымъ захотѣла... (*Встаетъ*). Не видать тебѣ той радости, не ви-

дать!.. Не перенести мнѣ ни позора моего, ни разлуки съ тобой, Настасья... Люба ты мнѣ, я хоть старъ я, да не потухъ у меня окаяннаго жаръ любовный... Эхъ, не дѣло ты затѣяла, Настя!.. *(Идетъ прямо и встрѣчается съ женой, которая выходитъ изъ боковыхъ дверей. Земляковъ останавливается и пристальнымъ, долгимъ взглядомъ глядитъ на жену. Та съ ласковой улыбкой смотритъ ему въ глаза).*

Н. П. Что такъ воззрился, Прохоръ Кириловичъ, на меня, аль на лицѣ что есть?

Пр. К. Нѣтъ, ничего, такъ я... *(Идетъ къ двери).* Хоть бы бровью повела, хоть бы глаза опустила!.. Ужъ правда ли?..

Н. П. Кушать, Прохоръ Кириловичъ, будешь?..

Пр. К. Нѣтъ, не буду... Недужится мнѣ что-то; пойду въ свѣтелку да лягу; до утра не будите меня... *(Уходитъ).*

Н. П. *(тихо идетъ на авансцену).* Старый ты, сѣденькій, да мужъ мой законный; не опозорю я тебя; вѣкъ вѣрна буду и на вѣки вѣчные прощаюсь съ тобой нонѣ, Ганя... Прощай, прощай, соколикъ мой!.. Поздно, въ безвременье повстрѣчались мы съ тобой!..

(ЗАНАВѢСЪ).

Дозволено цензурою. Москва, 24 ноября, 1885 г.

Тип. В. Исленьева (Щепкина), Ср. Кисловка, д. Волковыхъ.